

школьные истории

В. Драгунский

И. Антонова...

САМЫЕ
СМЕШНЫЕ
РАССКАЗЫ
ПРО
ШКОЛУ

«МАТРИЦ»

Сергей Махотин

ПЯТЬ ПЕТЬ

ШЕСТИКЛАСНИК СЕРАФИМ

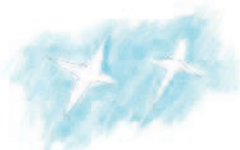
Неизвестно, о чём мечтала Таня Косарева, когда её вызвали к доске читать наизусть Пушкина. Она, будто очнувшись, тряхнула головой и начала мягким певучим голосом:

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился, —
И шестиклассник Серафим
На перепутье мне явился...

Девятый класс захохотал. Молодая учительница не выдержала и засмеялась тоже. Улыбнулась и Таня. «Надо же, — удивилась про себя, — какая оговорка смешная!»

Никто примерную Таню не заподозрил в озорстве. Все видели, что она случайно оговорилась. От этого было ещё смешнее. Кто-то крикнул, что в шестых классах и правда есть Серафим. Решили, что на перемене его нужно отыскать. В общем, урок был скомкан.

Серафим Перецын ничего этого не знал. Шла география. Географ

Юрьич рассказывал про лесотундру. День шёл как обычно и не обещал сюрпризов.

И перемена началась как обычно, шумно и бестолково. Скользящий линолеум в коридоре, крики и беготня. Перецын не сразу обнаружил, что оказался вдруг в окружении взрослых ребят. Те смеялись и похохатывали, глядя на него свысока, и беспрестанно повторяли: «Шестиклассник Серафим!»

Наконец это им наскучило, и они ушли, оставив его в покое. К Перецыну приблизились шестиклассники. Толстый Юрка Бурлакин, показывая на него пальцем, крикнул во всё горло: «Шестиклассник Серафим!» И все захохотали, даже девочки.

Впервые в жизни Перецын ощутил одиночество.

Его называли Серафимом одни учителя. Дома всегда звали Симой. В классе тоже Симой и ещё Перцем. На Перца он охотно отзывался, ибо имя своё не любил. Но что поделаешь, раз так называли...

— Зря ты, — говорила мама. — Красивое имя. Дедушка твой был Серафим Львович, папа Лев Серафимович, ты опять Серафим Львович. Родится у тебя сын — будет Лев Серафимович. И не прервётся цепочка поколений.

— А если дочь?
— Что?
— Если родится дочь?
— А не беда, — смеялась мама и ворошила его рыжеватые волосы. — Что-нибудь придумаем.

Новое прозвище прилепилось к нему, как липучка. Прозвище обидное и странное. Ну как можно обижаться на «шестиклассника Серафима», когда он и есть шестиклассник Серафим! Но было всё равно горько на душе. Он пробовал отвечать обидчикам тем же, кричал в ответ: «А ты — шестиклассник Юрка! А ты — шестиклассник Славка!» Без толку. Издевательски звучало только его прозвище — «шестиклассник Серафим».

Он перестал улыбаться, нахватал двоек и похудел.

— Что происходит? — недоумевал географ Юрьич. — Что с твоим взглядом, Перецын? Он потух! С таким взглядом ты завалишь мне районную олимпиаду.

— А он у нас «шестиклассник Серафим»! — гоготнул на задней парте Юрка Бурлакин.

Класс захихикал. Юрьич, ничего не поняв, лишь развёл руками.

Как-то на лестнице его окликнула Таня:

— Привет, шестиклассник Серафим! Вот, значит, ты какой. Совсем не страшный Серафим. А я из-за тебя чуть четвёрку не получила.

«Ненормальная», — подумал Перецын.

— Да не дуйся, я ведь не нарочно. Ты сам-то «Пророка» читал?

— Какого ещё пророка?

— Пушкинского, какого! Прочитай, развеселишься.

Об этом нелепом разговоре он вспомнил через несколько дней, когда вытирал пыль с книжной полки. Бросил на подоконник тряпку и вытащил Пушкина в мягкой обложке. «Пророк» обнаружился на 156-й странице.

Стихотворение поразило Перецына.

Строчки вспыхивали, как ожившие вулканы, непонятные и страшные: «неба содроганье», «жало мудрая змеи», «отверзлись вещие зеницы»! Что это за шестикрылый Серафим такой? Зачем он вырывает у героя язык, грудь ему рассекает мечом? А герой, этот самый пророк, не умирает, несмотря на ужасные пытки. Ему даже как будто и не больно. Сейчас встанет,

как ни в чём не бывало, и пойдёт глаголом жечь сердца людей. Тоже непонятно: зачем их жечь и что вообще значит — «жечь глаголом»? Много было в стихотворении странного, оно волновало, беспокоило. «Гад морских подводный ход» пробирал до мурашек.

— Сима, ты уже убрал свою комнату? — крикнула из кухни мама.

Он сунул Пушкина в школьный рюкзак и взялся за веник.

Перецына продолжали дразнить. Но он уже привык к своему одиночеству и не испытывал прежней горечи. Двойки он исправил, на географической олимпиаде заработал грамоту, и Юрьич досрочно наградил его годовой пятёркой. Всё это случилось как бы само собой и потому не слишком обрадовало. Иная радость согревала его душу. «Пророка» он уже давно знал наизусть. Знал, что означают вышедшие из употребления слова: виждь, внемли,

десница. Но самое главное, он полюбил своё имя — Серафим.

Зима в том году выдалась снежной, морозной и долгой. Прихватила март. А в апреле вдруг сразу стало тепло, почти жарко. Грохотали оттаявшие водосточные трубы. Повсюду текли бурливые ручьи и речки. Вода заливала подвалы, выталкивала крышки канализационных люков. В один из таких люков Серафим и провалился.

Рядом со школой возвышалась гора строительного песка, оставшаяся ещё с прошлогодне-

го ремонта. На горе стоял брошенный рабочими большой деревянный барабан без электрокабеля. Вода подточила песок. Барабан качнулся и покатился, набирая скорость, в сторону стройплощадки.

Серафим коротал большую перемену, бесцельно слоняясь по школьному двору. Когда он увидел мчащуюся огромную катушку, у него похолодел затылок. У турника, с закрытыми глазами, подставив солнцу лицо и шею, загорала

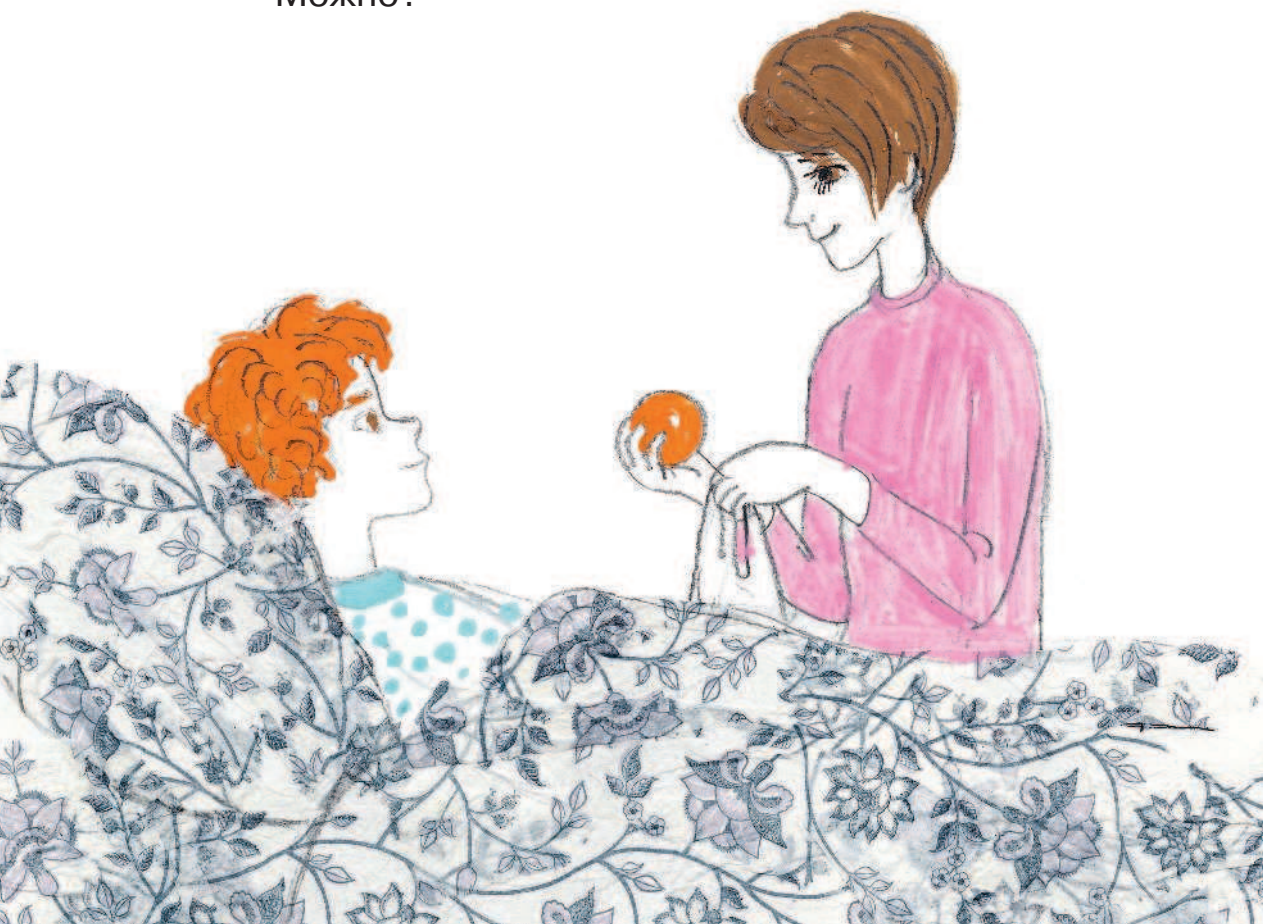
старшеклассница. Барабан почти бесшумно летел прямо на неё. Оставалось каких-то метров десять.

— Беги! — выкрикнул Серафим сухим ртом, сам бросился к ней через поребрик и ухнул с головой в ледяную воду...

Врач определил воспаление лёгких.

Через неделю домой к Серафиму пришла Таня Косарева. Она о чём-то поговорила с мамой и вошла к нему в комнату.

— Можно?

«Ненормальная», — узнал её Серафим.

— Меня зовут Таня. Здравствуй.

— Здравствуй. Меня — Серафим.

— Я знаю, — Таня улыбнулась. — Ты мне даже снился.

«Ненормальная и красивая», — подумал Серафим. У него опять начали гореть щёки и лоб, поднималась температура. Хотелось выбраться из-под одеяла, но он не смел.

— Я пришла тебя поблагодарить, — сказала Таня, помолчав. — Ты меня спас.

Серафим с трудом сообразил, что это на неё катился тогда деревянный барабан. Голова налилась свинцом. Он попробовал приподняться.

— Лежи, лежи, — забеспокоилась Таня. — Я сейчас уйду, к тебе нельзя надолго.

Она вытащила из сумки двухлитровую бутылку лимонада и три апельсина.

— Поправляйся. Ты теперь мой друг, мне тебя Бог послал. Не сердись на меня, пожалуйста.

Она наклонилась и поцеловала его в горящий лоб. Губы были прохладные. Серафим зажмурился и не спешил открывать глаза, не зная, что говорить и как себя вести с красивой Таней. А потом он уснул.